

— Министр Гао, вы, чиновник из Министерства ритуалов, как это не справляетесь с обязанностями экзаменатора? Разбираете работы, меняете местами результаты, а потом ещё и выставляете экзаменационные работы как улики. Где вы видели такие правила?

Гао Кайянь сразу же опустился на колени и ударил лбом о пол.

— Ваш слуга виновен. Но если действительно позволить этому дерзкому человеку занять первое место во втором туре, я боюсь, что люди по всей стране начнут осуждать двор и поднимут смуту!

Он не ожидал, что император, который обычно ни во что не вмешивается, будет так упорно настаивать на этом результате. В его представлении Лян Хуань был человеком, с которым легко договориться.

Лян Хуань быстро понял, что с этим человеком спорить бесполезно. Никто никого не убедит, и он чувствовал, что не сможет переспорить этого пятидесятилетнего министра ритуалов, чей язык был остр как лезвие.

Он решил использовать свою власть и, вернув работы Гао Кайяню, резко сказал:

— Ладно, результаты остаются такими, как есть. Я не позволю их менять.

Гао Кайянь заволновался. Он понимал, что если Лян Хуань будет настаивать, он ничего не сможет сделать. В порыве он высказал свои истинные мысли:

— Ваше Величество, вы в расцвете сил, и судить о людях по внешности — это естественно. Но вы ни в коем случае не должны поддаваться чарам злодеев... Ваш слуга несёт ответственность за советы. Если позволить льстецам приближаться к Вашему Величеству, критиковать государственную политику и подрывать законы, ваш слуга не сможет искупить свою вину даже смертью...

Гао Кайянь знал, что такие слова могут стоить ему жизни, но, считая себя преданным и честным чиновником, он не мог их не сказать.

Лян Хуань потратил некоторое время, чтобы понять, что он имел в виду под «суждением по внешности». Его охватила ярость, и он едва сдержался, чтобы не ударить его. Но Гао Кайяня нельзя было ни убить, ни ударить, ни даже обругать. С ним ничего нельзя было поделать.

Поэтому Лян Хуань не стал продолжать разговор, встал и направился во внутренние покои.

— Если хочешь стоять на коленях, иди во двор. Я собираюсь спать.

Гао Кайянь послушно перешёл во двор и встал на колени. Он обернулся к Ло Юю и сказал:

— Возвращайся и позови сюда нескольких экзаменаторов.

Уже наступила ночь, а экзаменаторы всё ещё разбирали работы. Ло Юй поспешно вернулся и сообщил о необходимости составить компанию. После обсуждения, чтобы не поставить начальника в неловкое положение, решили отправить несколько бездомных помощников, чтобы те встали на колени вместе с ним.

Лян Хуань думал, что, проснувшись, он увидит, что трое стоящих на коленях уже ушли. Но не только они остались на месте, но и привели с собой ещё несколько человек, которые встали на

колени позади них. Десятки людей заполнили двор Дворца Вэйян, создавая впечатляющее зрелище.

Ещё более сочувствия вызывало то, что в последнюю половину ночи прошёл небольшой дождь. Хотя он был не сильным, у всех, кто стоял во дворе, волосы и одежда были мокрыми, и они выглядели весьма жалко.

Узнав, что все эти люди — экзаменаторы, Лян Хуань вздохнул, положив руку на лоб. Кто же тогда будет следить за написанием и объявлением результатов экзаменов? Он был слеп, когда выбрал такого человека для управления экзаменами.

Лян Хуань приказал Лу Иню:

— Пусть идут заниматься своими делами.

Лу Инь вышел во двор и разогнал всех. Двор сразу же опустел, остался только Гао Кайянь, всё ещё стоящий на коленях, с растрёпанными волосами и полумокрой одеждой.

После окончания аудиенции Лян Хуань вернулся в Дворец Вэйян и, увидев во дворе только охранников, подумал, что Гао Кайянь наконец сдался и ушёл. Но главный евнух дворца подбежал к нему с тревогой:

— Министр Гао упал в обморок. Мы перенесли его в боковой зал...

Упал в обморок? Лян Хуань посмотрел на небо. С прошлой ночи до утра он либо замёрз, либо промок. Руководитель экзаменов всё ещё был во Дворце Вэйян, и там некому было принимать решения. Он был вынужден пойти в боковой зал и посмотреть, что случилось.

Гао Кайянь не упал в обморок, а просто замёрз, и его ноги онемели, так что он не мог больше стоять на коленях, и он рухнул на землю, оставаясь в сознании.

Увидев, что Лян Хуань вошёл, он попытался подняться, чтобы поприветствовать его, но его руки и ноги не слушались, и в конце концов врач уложил его обратно на кровать.

Лян Хуань взглянул на него и спросил врача:

— С ним всё в порядке?

Врач ответил:

— С министром Гао всё в порядке. Просто он переутомился и простудился, и теперь ему трудно двигаться. Я уже велел приготовить лекарство, и кроме того...

— Если всё в порядке, то хорошо. — Лян Хуань не стал слушать дальше.

Он подошёл к кровати и, увидев Гао Кайяня, дрожащего под одеялом, нахмурился.

Этому человеку было чуть больше сорока, и он уже стал министром ритуалов. Хотя он и не был старым, он уже страдал от болезней, свойственных старикам: он был упрям и консервативен.

Молодые люди в Министерстве ритуалов, такие как Бай Цунлай, неоднократно требовали реформ, но он всегда находил тысячу причин, чтобы помешать. Да и вчера он перешёл все границы. Какое он имел право судить о его отношениях с Чэнь Шучжи и о том, что он для него делал?

Лян Хуань сказал с видимой заботой:

— Министр Гао служил дворцу много лет и отдал все свои силы. Но он не бережёт своё здоровье, и теперь, в расцвете сил, уже не может работать. Я могу лишь наградить его почётом и обеспечить его старость, чтобы отдать должное его труду.

Услышав это, Гао Кайянь покраснел.

Он не ожидал, что давление на императора приведёт к такому результату. Он думал, что Лян Хуань придумает способ наказать его, но вместо этого император просто не захотел с ним связываться и решил избавиться от него.

Ему было всего сорок восемь, и он был в возрасте, когда мог бы ещё многое сделать. Но он понимал, что, раз Лян Хуань сказал это, он не оставил ему выбора. Как чиновник без поддержки, он мог только подчиниться и добровольно уйти в отставку, чтобы сохранить лицо.

Его руки были настолько замёрзшими, что он не мог писать ровно, и он позвал сына, чтобы тот написал за него прошение об отставке.

Лян Хуань даже не стал притворяться, что хочет его удержать, и сразу же одобрил его отставку, отправив всю его семью обратно в родные края.

Он должен был показать всем, кто знал об этом случае, что он не терпит угроз, и никто не может бросить вызов его авторитету.

В тот же день экзаменаторы этой сессии экзаменов передали заранее составленный список кандидатов для переписывания. Конечно, это была та версия, которую Гао Кайянь хотел изменить.

Перед отъездом Гао Кайянь использовал свои связи, чтобы убедить Министерство чинов и Академию Ханьлинь изменить должность, назначенную Ван Цяню.

*

В этот день было холодно и сухо, и Лян Хуань, боясь, что вечером на улице будет слишком холодно, отправился в Подворье Юнчжоу ещё до наступления темноты.

Когда он пришёл, Чэнь Шучжи как раз собирался выйти, чтобы купить ужин, и спросил, что он хочет есть. Лян Хуань просто сказал:

— Всё равно.

Пока ждали еду, он сидел за столом и листал книги Чэнь Шучжи. Когда тот приехал, он принёс с собой всего один узел, и половина из него была книгами. Самая потрёпанная из них была «Тысячесловие». Он открыл её и увидел, что рядом с каждым иероглифом было множество пометок.

Он провёл пальцем по написанным словам. Наверное, только такой красивый человек мог написать такие изящные иероглифы.

Когда дверь открылась, Чэнь Шучжи осторожно вошёл, держа поднос, и поставил его на стол. Он протянул одну из двух одинаковых тарелок Лян Хуаню и сказал:

— Это ручной рис из Юнчжоу. Попробуй, как тебе.

Лян Хуань съел пару кусочков и покачал головой:

— Так себе. Ты заказал это в ресторане?

— Нет... — Чэнь Шучжи взял другую тарелку и, отвернувшись, сказал неясным голосом:

— Я сам приготовил.

Лян Хуань удивился и пожалел о своих словах. Он быстро съел ещё кусочек и смущённо улыбнулся:

— Эээ... Я не попробовал как следует. Теперь чувствую, что вкус остаётся на губах и во рту, и я хочу ещё.

Чэнь Шучжи обернулся и тихо сказал:

— Ничего. Мои кулинарные способности не на высоте. Скажи, что тебе нравится, и я научусь готовить.

Лян Хуань не стал вдаваться в смысл этих слов, открыл рядом стоящую миску и попробовал. Его глаза загорелись, и он с энтузиазмом сказал:

— Как ты узнал, что я люблю сладкий соевый пудинг? Вкус просто замечательный!

— Ты сам мне сказал...

Лян Хуань съел всю миску за один присест.

— Ты и пудинг сам сделал?

Глядя на его счастливое лицо, Чэнь Шучжи наполнился нежностью и мягко сказал:

— Чтобы сделать пудинг, нужно сначала замочить бобы. Это я купил на улице. Если хочешь, скажи заранее, бобы нужно замачивать полдня.

— Ты ведь образованный человек с положением. Почему ты сам готовишь? У тебя ведь есть деньги...

Нежность в его глазах мгновенно исчезла, и его сердце начало холодеть.

Ночь становилась всё глубже, и небо было чёрным как смоль. Стоя у окна и глядя вдаль, Чэнь Шучжи заметил, что в воздухе кружатся мелкие снежинки, едва выживая в густом мраке.

Он приоткрыл окно, чтобы впустить немного холодного воздуха и уравновесить тепло от углей в комнате, и рассеянно сказал:

— Чэнпин, как ты думаешь, что будет с нами в будущем?

— Что будет? — Лян Хуань поднял голову и с недоумением посмотрел на него.

Здесь задействованные персонажи, кроме Ван Цяня, являются эпизодическими.

Каждая понравившаяся вещь позже появится снова.

<http://bllate.org/book/16213/1455780>